

АВАТАРЫ ЕРМАКА: МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

В индуистской мифологии понятие аватара означает воплощение божества в смертное существо при сохранении им частично божественной природы и приобретении отчасти природы земной. Метафорически можно сказать, что всякий памятник историческому персонажу представляет собой его аватар. Предметом данного исследования являются памятники Ермаку, рассматриваемые как формы репрезентации и актуализации исторической памяти о «покорителе Сибири». Если обычно продолжительность жизни мемориальных комплексов ограничивается временем существования возводящих их политических режимов, то в случае с Ермаком мы встречаемся с феноменом «монументальной реинкарнации» исторического персонажа: памятники Ермаку устанавливались и переустанавливались в Российской империи, СССР и постсоветской России. Это обстоятельство позволяет говорить о случае Ермака если и не как об уникальном, то по крайней мере как о нетипичном феномене. Инкарнация Ермака прошла несколько этапов. Изначально он представлялся российским властям проблемным персонажем. Во второй половине XIX в. постепенно превратился в знаковую фигуру имперского дискурса. Первый памятник Ермаку, поставленный в 1839 г. в Тобольске, увековечил лишь имя казачьего атамана. В 1869 г. Ермак обрел свое первое «телесное» воплощение в виде горельефа одного из 36 «военных людей и героев» на фризе монумента «Тысячелетие России», установленного в Великом Новгороде. Первый мемориал с персональной скульптурной фигурой Ермака был установлен в Новочеркасске в 1904 г. В дальнейшем казацкий атаман воплощался в облике былинного богатыря, первопроходца-фронтирмена и даже хтонического существа. Фигура Ермака была востребована самыми разными сообществами: от дореволюционных казачьих до современных городских. Сегодня «раскручивание» темы Ермака отвечает интересам целого ряда групп и в немалой мере конституирует их: сторонники и противники установления памятников казацкому атаману, историки и археологи, чиновники, тур-операторы, скульпторы и архитекторы — все они оказываются участниками одного коллектива в латуровском смысле, складывающегося в связи и на основе различных коммуникаций по поводу фигуры Ермака.

Ключевые слова: памятники Ермаку, историческая память, группообразование, регионализация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-142-150

В индуистской мифологии понятие аватара означает воплощение божества в смертное существо при сохранении им частично божественной природы и приобретении отчасти природы земной [Гринцер, 1991, с. 24; Радхакришнан, 1993, с. 249]. Метафорически можно сказать, что всякий памятник историческому персонажу представляет собой его аватар: здесь историческое («божественное») воплощается в актуальное («земное»). Однако если в мифах божество исходит в земной мир по собственной воле и приобретает ту или иную телесную форму и социальную атрибутику по своему желанию, то в реальной жизни все происходит прямо противоположным образом. Общество само отбирает исторических деятелей для их инкарнации в виде памятников на городских площадях. Перемещение тех или иных фигур из прошлого в настоящее осуществляется с целью решения актуальных политических задач, прежде всего — сборки воображаемых сообществ [Урри, 2012, с. 202]. Монументы, посвященные историческим деятелям, поддерживают или воплощают идею, сплачивающую нацию. «Официальные воспоминания» такого рода являются важной формой коллективной памяти. При этом они зачастую подрывают воспоминания других социальных групп, которые могут вырабатывать альтернативные образы прошлого, лишённые, однако, официального признания [Ассман, 2014, с. 198].

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 36. «Историческая память и российская идентичность», проект «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика».

Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти

Предметом данного исследования являются памятники Ермаку, рассматриваемые как формы репрезентации и актуализации исторической памяти о «покорителе Сибири». Если обычно продолжительность жизни мемориальных комплексов ограничивается временем существования возводящих их политических режимов, то в случае с Ермаком мы встречаемся с феноменом «монументальной реинкарнации» исторического персонажа: памятники Ермаку устанавливались и переустанавливались в Российской империи, СССР и постсоветской России (табл.). Это обстоятельство позволяет говорить о случае Ермака если и не как об уникальном, то по крайней мере как о нетипичном феномене. «Поворот к материальному» в социальной эпистемологии позволил сфокусировать внимание исследователей на мемориальных сооружениях как объектах, конституирующих определенные типы локальности и режимы памяти. Следует заметить, что мемориалы сами нередко оказываются объектами исторического действия: «Памятник не только воплощает собой историю, он сам вновь и вновь становится ареной истории, ее травматических и триумфальных моментов» [Ассман, 2014, с. 198]. Именно с этой точки зрения изучение мемориальных комплексов и представляет наибольший интерес.

Ермак: скульптурные фигуры и памятные знаки

Место	Год установки	Тип сооружения	Надпись
Тобольск	1839	Стела	«Покорителю Сибири Ермаку»
Великий Новгород	1862	Горельеф на постаменте памятника «Тысячелетие России»	—
Новочеркасск	1904	Скульптурная фигура	«Донскому Атаману Ермаку Тимофеевичу, покорителю Сибири от благодарного потомства. В честь трехсотлетия войска Донского. Окончил жизнь в волнах Иртыша 5 августа 1584 года». «Россия, история и церковь гласят Ермаку вечную память»
Иркутск	1908 (в 1920 г. был снесен, в 2003 г. восстановлен)	Бронзовый портрет (горельеф) на северной части постаamenta памятника Александру III	«Ермак»
Ермак (с 1993 г. Аксу) — Змеиногорск	1965 (в 1992 г. был демонтирован, в 2006 г. восстановлен в г. Змеиногорске)	Скульптурная фигура	«Ермак. От благодарных потомков целинников» (1965–1992 гг.) «Ермак. От благодарных потомков во славу России» (2006 — н.в.)
Тюмень	1992	Поклонный крест и памятный камень	«Ермаку и его товарищам вечная память. Потомки-казаки»
Нефтеюганск	2001	Стела	«Атаману Сибирского казачьего войска Ермаку Тимофеевичу от благодарных потомков — казаков и православных прихожан Нефтеюганска»
с. Махнево, Свердловская обл.	2005	Памятный камень	«Ермаку Тимофеевичу» «Здесь, по реке Тагил, в 1582 году Ермак со своей дружиною прошел в Сибирь»
Новосибирск (аэропорт Толмачево)	2010	Скульптурная фигура	«Покорение Сибири»
с. Абалак, Тюменская обл.	2010	Памятный камень	«Казакам Ермака от уральцев»
Сургут	2010	Скульптурная фигура	«Ермак»
Чусовой	2013	Скульптурная фигура	«Ермаку, доблестному патриоту России от жителей города Чусового»
Томск	2015	Скульптурная фигура	«Покорение Сибири»*

* Временное название. Подробнее см.: [Малышенко, 2015].

Ермак в дореволюционной России: имя, барельеф, скульптура

В допетровской России в память о важных событиях воздвигались храмы, позднее новым элементом коммеморации стали сооружения, характерные для Европы и ведущие происхождение из античности. Отечественное «памятнiкостроение» получило особое развитие в царствование Николая I. В камне и бронзе воплощались прежде всего фигуры российских монархов. Однако не были забыты и легендарные герои: в 1826 г. стела в память о Минине и Пожарском

была установлена в Нижнем Новгороде, в 1851 г. колонна в честь Дмитрия Донского — на Куликовом поле, в том же году в Костроме был открыт мемориал царю Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину [Лапин, 2014, с. 123, 124].

Что касается Ермака, то изначально он представлялся российским властям проблемным персонажем: в Сибири казацкий атаман действовал по своей воле и с поддержкой не государства, а только купцов Строгановых [Ремнев, 2010, с. 35]. С этой точки зрения Ермак был одним из воплощений «казачьей вольницы», той самой, что породила Разина, Булавина, Пугачева, и, по крайней мере, в фольклорной традиции стоял в одном ряду с ними [Буганов, 2008, с. 47]. С другой стороны, Ермак в равной мере принадлежал к плеяде русских первопроходцев. В определенном смысле он был ее родоначальником. Первый памятник Ермаку — стела, выполненная по проекту А.П. Брюллова и установленная в 1839 г. в Тобольске, — увековечил лишь имя казачьего атамана. На постаменте было написано: «Покорителю Сибири Ермаку». Примечательно, что, хотя никакой скульптурной фигуры Ермака в данном случае установлено не было, за нее часто принималась литая чугунная фигура одного из стрельцов, украшавших монумент [Игнатьев, 1989, с. 34].

Во второй половине XIX в. Ермак постепенно превратился из проблемного персонажа в знаковую фигуру имперского дискурса: он был включен в реестр национальных героев, его имя вошло в школьные учебники, было визуально закреплено в виде то русского «Кортеса», то почти фольклорного русского богатыря. В 1869 г. Ермак обрел свое первое «телесное» воплощение в виде горельефа одного из 36 «военных людей и героев» на фризе монумента «Тысячелетие России», установленного в Великом Новгороде (рис. 1). Так Ермак вошел в национальный пантеон героев, олицетворяющих столь желаемое властями единение народа и самодержавия [Ремнев, 2010, с. 38].

Закрепление в официальной историографии образа Ермака как «открывателя Сибири» и верного слуги царя произошло в начале 1880-х гг. в период подготовки и празднования первого «Дня Сибири». Торжества были приурочены к 300-летию присоединения Сибири к России. По настоянию сибирской общественности праздничные мероприятия прошли 26 октября, т.е. в день, когда, согласно летописным сведениям, разгромив войска хана Кучума, отряд Ермака вступил в столицу Сибирского ханства Искер. Таким образом, Ермак стал главным героем нового праздника, впервые отмеченного в 1881 г. (взятие Искера относилось тогда не к 1582 г., но к 1581 г.) и затем праздновавшегося ежегодно вплоть до 1919 г. В русле новой националистической идеологии, нацеленной на укрепление «единой и неделимой России», экспедиция Ермака изображалась как полноценный военный поход и даже «священный подвиг», в котором сплетались мотивы народного героизма, борьбы за государство и веру [Есин, 2013, с. 24].

Следуя такому пониманию исторической роли Ермака, скульптор Р.Р. Бах поместил бронзовый портрет казачьего атамана на пьедестал памятника императору Александру III, открытого в Иркутске в 1908 г. Портрет Ермака соседствовал с портретами генерал-губернаторов Восточной Сибири: графа Сперанского и графа Муравьева-Амурского [Вилков, Московский, 1986, с. 30–31]. И хотя собственно к Восточной Сибири он имел весьма отдаленное отношение, его инкарнация в Иркутске вполне объяснима. Во-первых, за Ермаком к этому времени уже закрепился статус «открывателя Сибири», по стопам которого затем пошли другие первопроходцы. Во-вторых, каждый из представленных на постаменте исторических деятелей имел свою «сферу ответственности»: портрет Муравьева-Амурского размещался на западной грани монумента, он был обращен к Ангаре; Сперанский «смотрел» на Юг, Ермак — на Север. Три зоны колонизации Сибири смыкались в ее символическом центре — Иркутске — у ног российского императора. В-третьих, постановка вольного казака в один ряд с высшими сановниками империи подчеркивала свойственный сибирскому обществу демократизм, его внесловный характер. В 1920 г. статуя императора была демонтирована. Со временем купированный мемориал стал осмысливаться как памятник «Первопроходцам Сибири». В 1963 г. на пьедестале был установлен бетонный пирамидальный шпиль. Он простоял до начала 2000-х гг., когда памятник императору Александру III был полностью восстановлен [Токарева, 2011, с. 4–8].

Первый мемориал с персональной скульптурной фигурой Ермака был установлен в Новочеркасске в 1904 г. (рис. 1). Инкарнация Ермака в образе атамана донских казаков должна была, как это часто бывает в коммеморативных практиках, воздать дань памяти выдающимся деятелям прошлого, чтобы возвысить настоящее [Асман, 2014, с. 239], в данном случае — акцентировать особый статус Области войска Донского. В 1870 г., в связи с празднованием 300-летия

Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти

войска Донского его генералитет обратился к августейшему атаману всех Казачьих войск цесаревичу Александру (будущему императору Александру III) с прошением об установлении в донской столице памятника Ермаку. Выполненный по проекту М.О. Микешина, он был открыт в 1904 г. и сразу стал центральным элементом ритуализированных мероприятий, нацеленных на укрепление групповой идентичности и престижа донского казачества. Надпись на постаменте гласила: «Донскому Атаману Ермаку Тимофеевичу, покорителю Сибири от благодарного потомства. В честь трехсотлетия войска Донского. Окончил жизнь в волнах Иртыша 5 августа 1584 года». Ниже приводилась цитата из Н.М. Карамзина: «Россия, история и церковь гласят Ермаку вечную память». Сибирский акцент новочеркасского памятника не должен вводить в заблуждение. Прежде всего он транслировал локальные смыслы: памятник символизировал мощь донского казачества и его доминирование над местным неказацким населением, так называемыми *иногородцами*, отношения казаков с которыми отличались высоким социальным антагонизмом [Долгополов, 2011, с. 45]. Переживший все войны России XX в., новочеркасский памятник Ермаку со временем стал восприниматься как объект-хранитель места, воплощающий в себе все сущностные черты данного локуса [Кирсанов, 2009, с. 15–20].

Рис. 1. Горельеф Ермака на фризе монумента «Тысячелетие России» в Великом Новгороде и памятник Ермаку в Новочеркасске
(источники: http://www.wikiwand.com/en/Yermak_Timofeyevich;
http://m.dontourism.ru/upload/gallery/city_3/fi279.jpg).

Ермак на стыке эпох и пространстве: войны памяти

В советский период все дореволюционные монументальные изображения Ермака были сохранены. В 1965 г. новый памятник Ермаку, изготовленный по проекту украинских художников И.С. и В.И. Зноба, был открыт в г. Ермаке Павлодарской области Казахской ССР (рис. 2). Монумент стал «ареной истории» в прямом смысле слова. На этот раз Ермак воплотился в образе былинного русского богатыря. В шлеме и кольчуге, со скрещенными на груди руками, он задумчиво взирал со своего постамена на стремительно растущий город целинников. Надпись на постаменте «Ермак. От благодарных потомков целинников» подчеркивала связь образа Ермака с идеей первопроходчества, освоения новых земель. По существу это была колониальная трактовка образа Ермака, которая, с одной стороны, актуализировала память о казачьем фронтире времен Российской империи, а с другой — невольно — память о сопротивлении автохтонного населения русской колонизации. Могучая фигура Ермака неизменно напоминала казахам о батыре Сатбеке из племени Уак, уроженце прииртышских степей, который, согласно преданию, выступил в поход против дружин Ермака и погиб в бою.

В первые годы существования независимого Казахстана конфликтный потенциал различных режимов памяти был реализован в столкновениях по поводу мемориалов советского

периода: памятника первоцелинникам и мемориала «Покорителям целины» в Целинограде², бюста Н.М. Пржевальского в Зайсане. Все они были демонтированы. Наиболее драматичным эпизодом стали столкновения вокруг памятника Ермаку. Обострению ситуации поспособствовало празднование 400-летия образования Уральского казачьего войска в Уральске осенью 1991 г. и демарши Землячества сибирских казаков «Горькой линии» в Петропавловске в связи с образованием Республики Казахстан [Галиев, 2015, с. 146]. В редакции газет стали поступать письма «с требованиями переименовать Ермак, чье имя в истории казахов отождествляется с насилием, кровью, порабощением». В ряде случаев предлагалось демонтировать памятник Ермаку [Поминов, 2007, с. 123]. В казахской историографии утвердился тезис, что Ермак своим походом в Сибирь нарушил процесс формирования казахской государственности [Козыбаев, 1991, с. 151–152]. В 1992 г. скульптура Ермака была снята с постамента. Два года спустя г. Ермак был переименован в Аксу.

В 1996 г. инициативная группа бывших жителей Ермака вывезла разбитую скульптуру в Алтайский край. В 2006 г. при поддержке алтайского казачества, городских властей и бизнеса скульптура Ермака была восстановлена и вновь поставлена на постамент в Змеиногорске (рис. 2). Новая надпись на постаменте гласит: «Ермак. От благодарных потомков во славу России». Так же как прежде в Ермаке, в Змеиногорске памятник Ермаку стал символом города.

Рис. 2. Памятник Ермаку в г. Ермаке и он же, восстановленный в г. Змеиногорске (источники: <http://aksuermak.ru/Contact/1771.jpg>; http://alttur22.ru/images/cms/data/zmeinogorsk/1_Zmeinogorsk_pamjatnik_Ermaku.JPG).

Ермак как бренд: «Мы здесь не рассматриваем исторические вопросы. Сегодня мы рассматриваем Ермака как имя привлекательное»³

Аватары Ермака постсоветского периода связаны с процессом регионализации [Агапов и др., 2015, с. 76]. Одним из проявлений его стала острая конкуренция регионов за привлечение ресурсов, а ключевым элементом конкурентной стратегии — брендинг своей территории. В новых условиях память о Ермаке рассматривалась в качестве важнейшего «имиджевого ресурса территории» [Замятин, 2013, с. 15], прежде всего с точки зрения развития туризма [Когда в области закончится нефть, 2013]. Еще в начале 1980-х гг. в связи с 400-летием похода Ермака широкую популярность получили лодочные экспедиции энтузиастов-краеведов, пытавшихся повторить маршрут казачьей дружины. В 2010 г. департаменты культуры и туризма трех субъектов — Пермского края, Свердловской области и Тюменской области — заключили соглаше-

² В 1992 г. Целиноград был переименован в Акмолу, а в 1998 г. получил название Астана и стал столицей Казахстана.

³ В заголовке раздела приведены слова одного из авторов электронного справочника «Ермак бренд России: Тюменский регион», подготовленного коллективом Института гуманитарных наук ТюмГУ по заказу департамента культуры Тюменской области [Когда в области закончится нефть, 2013].

Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти

ние о совместной разработке туристических продуктов, важнейшим из которых стал межрегиональный проект «По следам Ермака» [Туристический проект, 2010]. Подготовка соответствующих маршрутов стимулировала создание новых памятных мест и привязанных к ним празднично-развлекательных традиций.

Открытие мемориалов Ермаку часто приурочивается к юбилеям населенных пунктов: памятный камень в Махнево был открыт в 380-ю годовщину поселка (2005 г.), скульптурный монумент в Змеиногорске — в 270-ю годовщину города (2006 г.), скульптурный монумент в Чусовом — в 80-ю годовщину г. Чусового и 445-ю — начала хозяйственного освоения чусовских земель (2013 г.). Таким образом, история разных населенных пунктов все чаще связывается с одной исторической фигурой. Памятники Ермаку появляются и в тех местах, до которых он не доходил, — в Сургуте (2010 г.) и даже Томске (2015 г.) (рис. 3). В последнем случае Ермак, похожий больше на назгула, чем на казачьего атамана, воплотился в образе всадника на пятиноглом коне. Как пояснил автор скульптуры Юнус Сафардиар, по поверьям некоторых сибирских народов, если сильный воин встретит на своем пути черного пятилапого волка, то он обречен на гибель; пятиногий конь Ермака символизирует победу над смертью [Малышенко, 2015].

Рис. 3. Памятник Ермаку в Томске (источник: <http://novo-tomsk.ru>).

Если в Казахстане историческим антагонистом Ермака является батыр Сатбек, то в Сибири казацкому атаману противопоставляется хан Кучум из рода Шейбанидов, государство которого (Сибирское ханство), как считается, было сокрушено дружиной Ермака. Поэтому в ряде случаев установка мемориалов Ермаку вызвала протест татарских активистов. Сторонники примирения двух конфликтующих режимов памяти — колониального и автохтонного — предлагали различные варианты символического уравнивания русского и татарского вкладов в историю региона. Например, такой: «если ставить скульптуру Ермака, то рядом обязательно следует поставить памятник и хану Кучуму» [Мусульмане, 2010]. Важно подчеркнуть, что борьба вокруг коммеморации Ермака является важнейшим средством «повышение уровня групповости» «своих» [Брубейкер, 2012, с. 35] для всех ее участников, что, собственно, и объясняет накал страстей.

Сегодня «раскрывание» темы Ермака отвечает интересам целого ряда групп и в немалой мере конституирует их: сторонники и противники установления памятников казацкому атаману, историки и археологи, чиновники, тур-операторы, скульпторы и архитекторы — все они оказываются участниками одного коллектива в латуровском смысле [Латур, 2014], складывающегося в связи и на основе различных коммуникаций по поводу фигуры Ермака. При этом нельзя не заметить, что география новых памятных мест Ермака ограничивается Уралом и Западной Сибирью. Примечательно, что историческая память о русском «Кортесе» все больше канализируется здесь в русле процессов регионализации (сугубо локального «брендинга» территорий) — своего рода внутренней деколонизации [Каганский, 2001, с. 196; Агапов и др., 2015, с. 79]. Несмотря на востребованность образа Ермака, вряд ли в обозримом будущем он сможет превратиться в хранителя целого региона. Существует ряд ограничений: во-первых, Ермак остается спорной фигурой: «первопроходцем» для одних и «захватчиком» для других; во-вторых,

его образ в значительной мере «приватизирован» казачеством (рис. 4); наконец, у Ермака есть множество «конкурентов» не только из числа его исторических противников, но и из ряда других русских первопроходцев.

Рис. 4. Тюмень, День города 24 июля 2010 г. Казаки выступают за установление памятника Ермаку (источник: <http://www.ihtus.ru/112010/st11.shtml>).

Подведем итоги. Инкарнация Ермака прошла несколько этапов. Сначала было материализовано лишь имя казацкого атамана. Затем его образ проступил в барельефах и горельефах на коллективных памятниках среди образов других исторических деятелей. Только в начале XX в. появился первый индивидуальный памятник Ермаку с его скульптурой в полный рост. В дальнейшем казацкий атаман воплощался в облике былинного богатыря, первопроходца-фронтирмена и едва ли не хтонического существа. Фигура Ермака была востребована самыми разными сообществами: от дореволюционных казачьих до современных городских. Однако за многочисленными аватарами «завоевателя Сибири» мы едва ли сможем разглядеть его исторический («божественный») прототип. В современной массовой культуре Ермак — это не герой с тысячей лиц, но одно лицо, надеваемое на разных героев, символически объединяющих разные сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агапов М.Г., Адаев В.Н., Ганопольский М.Г., Ключева В.П., Лискевич Н.А., Поплавский Р.О. Постколониальность Сибири: Региональный синдром // Философские науки. 2015. № 8. С. 66–79.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: ВШЭ, 2012. 408 с.
- Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX — начало XX в.) // Новый историч. вестн. 2008. № 18. С. 40–49.
- Вилков Н.О., Московский А.С. Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. 115 с.
- Галиев А.А. Национальные истории Казахстана и их конфликтогенный потенциал // Конфликтогенный потенциал национальных историй: Материалы Междунар. науч.-методол. семинара, г. Казань, 26 марта 2015 г. / Отв. ред. и сост. А.В. Овчинников. Казань: Универсум, 2015. С. 135–149.
- Гринцер П.А. Аватара // Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. М.: Сов. энцикл., 1991. Т. 1. С. 24–24.
- Долгополов К.В. О притеснениях иногородних в кубанских станицах во второй половине XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 42–47.
- Есин О.А. Образ Ермака в русской консервативной публицистике второй половины XIX в. // Омск. науч. вестн. 2013. № 1. С. 22–25.
- Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг территорий: Концептуальные основы // Лабиринт: Журн. социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11–23.
- Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. 592 с.

Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

Кирсанов Е.И. Памятник Ермаку в Новочеркасске // Казачество в Сибири: От Ермака до наших дней: (История, язык, культура): Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Тюмень, 31 октября 2009 г.) / Под ред. И.С. Карабулатовой и В.Н. Евсеева. Тюмень: Печатник, 2009. С. 15–20.

Когда в области закончится нефть, зарабатывать будут на Ермаке // Наш Город Ру. Тюмень. 2013. 1 марта [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.nashgorod.ru/news/news56851.html>

Козыбаев М.К. История и современность. Алма-Ата: Гылым, 1991. 254 с.

Лапин В.В. Война памятников и война с памятниками // Россия XXI. 2014. № 1. С. 122–145.

Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014. 382 с.

Малышенко В. «Пятилапый» Тамерлан-Ермак озадачил даже депутатов // Московский комсомолец-Томск. 2015. 19 авг. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tomsk.mk.ru/articles/2015/08/19/pyatilapyu-tamerlanermak-ozadachil-dazhe-deputatov.html>.

Мусульмане и казаки спорят о возможности установки памятника Ермаку в Тюмени // Информ.-аналит. портал IslamRF.Ru. 29 октября 2010 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://islamrf.ru/news/rusnews/russia/14054>.

Поминов Ю.Д. Хроника смутного времени // Нива. 2007. № 12. Астана, 2007. С. 40–126.

Радхакришнан С. Индийская философия: В 2 т. М.: МИФ, 1993. Т. 1. 623 с.

Ремнев А.В. Ермак как герой: От сибирских летописей до «Памятника тысячелетия России» // Влияние Петровской эпохи на развитие сибирских городов: (История, краеведение, культура). Омск: ОГИКМ, 2010. С. 34–42.

Токарева Л.Б. Памятник над Ангарой // Рус. история. 2011. № 4: История и власть. С. 4–8.

Туристический проект «По следам Ермака» станет достоянием Свердловской, Тюменской областей и Пермского края // Информ. агентство «Европейско-Азиатские новости». 17 сентября 2010 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://eanews.ru/news/economics/item156029>.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

M.G. Agapov

Institute of problems of development of the North Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: magapov74@gmail.com

THE AVATARS OF YERMAK: MONUMENTS AND HISTORICAL MEMORY

In the Hindu mythology an avatar is a deliberate descent of a deity to Earth, or a descent of the Supreme Being. There is the human and divine natures of avatar as they coexist within one person. Talking in a metaphorical we can say that every monument to historical figure is another reflection of his or her avatar. The object of our study is Yermak memorials regarded as the representations and mainstreaming historical memory about the meaning of «Conqueror of Siberia». Usually life period of the memorial is limited to a time period of the existence of a political regime which established it. In the case of Yermak we have phenomenon «monumental reincarnation» of the historical figure. Yermak Memorials were established and re-established in the Russian Empire, in the USSR and in the post-soviet Russia. Thereby if the case of Yermak is not unique, it is an atypical one at least. Incarnation of Yermak was formed in multiple steps. Initially Yermak too seemed to Russian authorities as some kind of highway robbery. In the second half of XIX century Yermak turned national hero of the Russian Empire. The first Yermak Memorial was raised in Tobolsk in 1839, it perpetuated only the name of the cossack leader who started the Russian conquest of Siberia. The first body incarnation of Yermak related to 1896. He was represented by a high-artrelief picture among «military men and heroes» on the Millennium of Russia in the Novgorod. The first Yermak Memorial with his full length sculpture was erected in Novocherkassk in 1904. At a later time Yermak was represented in the form of the warrior hero of Russian folk epics, the frontier man and the chthonic creature. As a legendary hero Yermak was in demand for the construction of a diversity of local communities. At the present day the promotion of the historical memory about Yermak serves the interests of a wide range of social groups and constitute them to a certain extent. The supporters and the opponents of Yermak, historians, tourism officials, bureaucracy, sculptors and architects are combined in heterogeneous associations arising in connection regarding Yermak.

Key words: Yermak Memorials, historical memory, group-making, regionalization.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-142-150

REFERENCES

- Agapov M.G., Adaev V.N., Ganopol'skii M.G., Kliueva V.P., Liskevich N.A., Poplavskii R.O., 2015. Postkolonial'nost' Sibiri: Regional'nyi sindrom [Postcolonial Siberia: Regional syndrome]. *Filosofskie nauki*, no. 8, pp. 66–79.
- Assmann A., 2014. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [The Long Shadow of the Past: Practices of Remembrance and Politics of Memory], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p.
- Brubaker R., 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups], Moscow: Vysshaia shkola ekonomiki, 408 p.
- Buganov A.V., 2008. Istoricheskaia pamiat' russkikh krest'ian: real'nost' i mify (XIX — nachalo XX vv.) [The historical memory of the Russian peasants: Reality and Myth]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 18, pp. 40–49.
- Dolgoplov K.V., 2011. O pritesneniakh inogorodnikh v kubanskikh stanitsakh vo vtoroi polovine XIX v. [The oppression of nonresidents in villages of Kuban region in the latter half of the XIX century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, no. 6, pp. 42–47.
- Esin O.A., 2013. Obraz Ermaka v russkoi konservativnoi publitsistike vtoroi poloviny XIX v. [The image of Ermak in the conservative press of the second half of XIX century]. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 1, pp. 22–25.
- Galiev A.A., 2015. Natsional'nye istorii Kazakhstana i ikh konfliktogennyi potentsial [National histories of Kazakhstan and their capacity to conflict]. *Konfliktogennyi potentsial natsional'nykh istorii: Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-metodologicheskogo seminara*, g. Kazan', 26 marta 2015 g. / Otv. red. i sost. A.V. Ovchinnikov. Kazan': Iuniversum, pp. 135–149.
- Grintser P.A., 1991. Avatara [Avatar] *Mify narodov mira: Entsiklopediia: 2 vol.*, vol. 1, Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, pp. 24–24.
- Ignat'ev A.A., 1989. *Piat'desiat let v stroiu* [Fifty years in the ranks of the army]: 2 vol., vol. 1, Moscow: Pravda, 592 p.
- Kaganskii V.L., 2001. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sbornik statei* [Cultural landscape and Soviet habitable space], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 576 p.
- Kirsanov E.I., 2009. Pamiatnik Ermaku v Novocheboksarske [Yermak Memorial in Novocheboksarsk] *Kazachestvo v Sibiri: Ot Ermaka do nashikh dnei: (Istoriia, iazyk, kul'tura): Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Tyumen, October 31, 2009), Tyumen: Pechatnik, pp.15–20.
- Kozybaev M.K., 1991. *Istoriia i sovremennost'* [The past and the present], Alma-Ata: Gylym, 254 p.
- Lapin V.V., 2014. Voina pamiatnikov i voina s pamiatnikami [The memorials's war and the war with memorials]. *Russia XXI*, no. 1, pp. 122–145.
- Latour B., 2014. *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], Moscow: Vysshaia shkola ekonomiki, 382 p.
- Malysheva V., 2015. «Piatilapyi» Tamerlan-Ermak ozadachil dazhe deputatov [«Five-legged» Yermak-Timur have puzzled deputies]. *Moskovskii komsomolets-Tomsk*, August 19, available at: <http://tomsk.mk.ru/articles/2015/08/19/pyatilapyy-tamerlanermak-ozadachil-dazhe-deputatov.html>.
- Pominov Iu.D., 2007. Khronika smutnogo vremeni [History of the Time of Troubles]. *Niva*, no. 12, pp. 40–126.
- Radhakrishnan S., 1993. *Indian Philosophy: 2 vol.*, vol. 1, Moscow: MIF, 623 p.
- Remnev A.V., 2010. Ermak kak geroi: Ot sibirskikh letopisei do «Pamiatnika tysiacheletii Rossii» [Yermak as hero: From the Siberian Chronicles to the Millennium of Russia]. *Vliianie Petrovskoi epokhi na razvitiie sibirskikh gorodov: (Istoriia, kraevedenie, kul'tura)*, Omsk: Museum of regional, pp. 34–42.
- Tokareva L.B., 2011. Pamiatnik nad Angaroi [The memorial faced Angara River]. *Russkaia istoriia*, no. 4, pp. 4–8.
- Urry J., 2012. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: Vidy mobil'nosti dlia XXI stoletii* [Sociology beyond societies, Mobilities for the twenty-first century], Moscow: Vysshei shkoly ekonomiki, 336 p.
- Vilkov N.O., Moskovskii A.S., 1986. *Pamiatniki istorii i arkhitektury Sibiri* [The monuments of history and Architectural in Siberia], Novosibirsk: Nauka, 115 p.
- Zamiatin D.N., 2013. Geokul'turnyi brending territorii: Kontseptual'nye osnovy [Geo-cultural branding of territories: The conceptual grounds]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 5, pp. 11–23.